

Marlene Laruelle (Ed.)

New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions

Abingdon: Routledge, 2017

Рецензируемая книга под редакцией исследовательницы арктических проблем, профессора Университета Дж. Вашингтона Марлен Ларюэль посвящена анализу той социальной динамики, которая складывалась в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) в постсоветское время. Данная работа — плод многолетнего труда коллектива учёных из разных стран (России, США, Канады, Франции, Австрии, Эстонии)¹.

Авторский коллектив книги в основном составлен из весьма опытных исследователей, а некоторые из них и провели в этом краю немало времени, занимаясь сбором материала для своих научных изысканий. Ответственный редактор книги М. Ларюэль опубликовала в 2014 году фундаментальное исследование по российской стратегии в Арктике². Ряд авторов книги (В.В. Куклина, Н.Ю. Замятина, Г. Заксингер, А. Венцель) являются признан-

ными экспертами по проблемам миграционных процессов в АЗРФ и социально-экономического и экологического развития данного региона³.

Все главы книги основаны на большом массиве опубликованных данных, фактических и статистических, а также на собственных эмпирических исследованиях авторов. Замысел проекта и, соответственно, книги поражает научным размахом и амбициями: коллектив исследователей поставил перед собой задачу проследить и осмыслить социально-экономические, демографические, этнические и социокультурные процессы на огромных просторах российского Севера на протяжении последней четверти века.

3 Куклина В.В. *Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтнической среде: культурно-географический срез*. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2006; Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. *Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы*. М.: Институт наследия, 2008; Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. *Россия, которую мы обрели*. М.: Новый хронограф, 2013; SAXINGER G. *Unterwegs: mobiles Leben in der Erdgas- und Erdölindustrie in Russlands Arktis*. Wien: Böhlau, 2016; VENTSEL A. *Reindeer, Rodina, and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village*. Münster: Lit, 2005

1 Проект по комплексному изучению развития промышленных центров АЗРФ в постсоветский период был инициирован Баренц-институтом при Арктическом университете Норвегии (г. Тромсё) и Университетом Дж. Вашингтона (США); осуществлялся в 2012-2015 годах.

2 LARUELLE M. *Russia's Arctic Strategies and the Future of the Far North*. Armonk (NY): M.E. Sharpe, Inc., 2014.

АЗРФ представляет собой удивительный феномен для учёных-обществоведов, включая специалистов по урбанистике. В этом российском регионе уживаются самые противоречивые, подчас полярно противоположные процессы. Так, в девяностые годы Арктическая зона оказалась заброшенной — для федерального центра она оставалась “падчерицей”, что привело к усугублению многочисленных негативных тенденций в регионе. В этот период происходила существенная депопуляция АЗРФ: за период 1993-2009 годов её население уменьшилось на 15,3% (С. 3). Закрылись многие промышленные предприятия и шахты. Дегradировало коммунальное хозяйство ряда городов Заполярья. Оказались заброшенными многие порты и другая инфраструктура Северного морского пути. Закрыли или законсервировали многочисленные военные городки, военно-морские и военно-воздушные базы, пограничные заставы — а ведь на Крайнем Севере они часто являлись важными точками, вокруг которых концентрировалась экономическая, социальная и культурная жизнь. В российских СМИ того времени периодически обсуждались различные радикальные (а нередко и бредовые) идеи — от полной эвакуации российского Заполярья до сдачи в аренду иностранцам целых городов и регионов, коль скоро Россия не в состоянии самостоятельно заботиться об АЗРФ.

С другой стороны, несмотря на кризисные явления постсоветской поры, в российской Арктике проживает две трети всего арктического населения планеты, здесь по-прежнему больше, чем где бы то ни было на Крайнем Севере, городов с населением более 100 тыс. человек. АЗРФ сохраняет огромное значение для российской экономики: на её долю приходится почти 20% российских ВВП и экспорта (С. 1), и есть все основания полагать, что экономическая значимость этого региона будет возрастать и дальше⁴.

Противоречивые тенденции заметны при взгляде на миграционные процессы в АЗРФ, а также на их экономические и социокультурные последствия для российского Крайнего Севера. С одной стороны, северные регио-

ны страны покидают молодые люди в поисках образования и работы, а также пенсионеры, отработавшие в суровых условиях Арктики многие годы. С другой стороны, на Крайний Север устремляется встречный поток трудовых мигрантов из центральных и южных областей России, а также республик СНГ. Часть из них оседает в АЗРФ на долгое время, с тем чтобы, заработав право на высокую пенсию, вернуться под старость в родные края. Другая часть мигрантов предпочитает работать на “северах” вахтовым методом; это обеспечивает им высокий доход, а их семьи могут проживать в регионах с более благоприятным климатом и в более привычном окружении. “Вахтовики” являются наиболее мобильной частью мигрантов — они достаточно легко передвигаются из одного региона АЗРФ в другой вслед за перемещением нефтегазовых производств и предприятий горнорудной промышленности.

Среди коренных малочисленных народов (КМН) Севера, с одной стороны, усиливается тяга к более комфортному городскому образу жизни и социальной обустроенности, но с другой — многие семьи не желают утрачивать связь с “малой родиной” и традиционным образом жизни и хозяйствования. Так, на Ямале многие ненецкие семьи имеют квартиры в городах, но при этом ведут кочевой образ жизни, будучи занятыми в оленеводческом хозяйстве. Оленеводство в этом северном регионе добилось больших успехов: поголовье скота в отдельные годы достигает одного миллиона, а оленье мясо и другие продукты поставляются не в только центральные районы России, но и в Европу.

Всем этим сложным и динамичным процессам посвящены работы, вошедшие в данный сборник.

Тематически книга разбита на три части.

В первой части изучается демографический, социальный и политический контекст, в рамках которого осуществляется социальная мобильность в АЗРФ. Среди сюжетов этой части сборника — закономерности развития народонаселения российской Арктики, эволюция российской модели федерализма, отличающейся от зарубежных аналогов более сильной централизацией власти, роль местных

4 Кобышев В.Н., Сергунин А.А. *Национальные интересы России в Арктике: мифы и реальность* // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 29. С. 2–11.

и региональных властей, а также проблемы становления рыночных отношений и развития мелкого и среднего предпринимательства в северных районах России.

Во второй части книги рассматриваются три типа социальной мобильности в российских арктических регионах — мобильность социального капитала (в основном речь идёт о миграции молодёжи в поисках образования и работы), работа вахтовым методом и миграционные процессы среди КМН. Основным движущим мотивом мигрантов, по наблюдению авторов, является не столько поиск материальных выгод и улучшение жизненных условий, сколько повышение образовательного, профессионального и социального статуса.

Заключительная, третья, часть книги посвящена относительно новому феномену для российской Арктики — изменению социокультурной и этнической ситуации в городской среде АЗРФ и постепенному формированию мультикультурного общества во многих городах Крайнего Севера. В частности, объектом изучения являются малые и средние города вдоль БАМа — железнодорожной магистрали, построенной ещё в советское время, самый крупный город российской Арктики — Мурманск и “нефтегазовые” города Западной Сибири. Авторы этого раздела отмечают, что в отличие от советских времен, когда основными “покорителями Севера” были этнические русские (или лица славянского происхождения), в постсоветский период в АЗРФ хлынули миграционные потоки из бывших советских республик Закавказья и Средней Азии, что сильно осложнило социокультурную обстановку в этих городских центрах и поставило перед властями задачу гармонизации межэтнических отношений на местах.

Несмотря на высокое качество исследовательской работы, книга несвободна от ряда недостатков. Редактор книги сама признает во введении, что некоторые регионы, о которых идёт речь (Западная Сибирь, южная часть Якутии и район БАМа), строго говоря, не входят в понятие АЗРФ (по крайней мере, как это определено в официальных российских документах) (С. 7). Авторы оправдывают расширение охвата тем, что сходные с АЗРФ природные (климатические, почвенные) и

социально-экономические условия (роль добывающей промышленности, интенсивные миграционные процессы, наличие КМН) характерны и для прилежащих к этой зоне районов Сибири, которые, с этой точки зрения, составляют с российской Арктикой единое целое. Но всё же читателя не оставляет впечатление, что выбор ряда сюжетов обусловлен скорее личными научными интересами авторов, чем объективной логикой академического исследования.

Непонятно также, почему, коль скоро одной из основных задач книги является изучение динамики городской среды в АЗРФ, в ней обойдена стороной социально-экономическая, демографическая, этническая и социокультурная ситуация в таких крупных по арктическим масштабам городских центрах, как Норильск, Воркута, Салехард, Ноябрьск, Надым, Мончегорск, Апатиты, Никель, Ковдор и пр. Нелишне напомнить, что в состав АЗРФ формально входят также Архангельск, Северодвинск и Новодвинск, хотя они и расположены несколько южнее Полярного круга.

Интересной темой для исследования, достойной внимания авторов рецензируемой книги, могла бы стать проблема арктических моногородов (промышленных или военных). Она упоминается вскользь в ряде разделов коллективного труда (С. 134, 137, 165–166), но всерьёз не исследована. Между тем это — одна из “болевых точек” современной российской Арктики, которую нельзя игнорировать. От решения этой проблемы зависит социальное, экономическое и даже психологическое благополучие не только самих этих моногородов, но и региона в целом.

Имеется в рецензируемом издании и ряд досадных неточностей. Так, утверждается (С. 30), что в мае 2014 года указом Президента РФ впервые в истории России были определены границы её арктического региона. В действительности же ещё в советское время границы арктической зоны были установлены двумя документами — постановлением Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 15 апреля 1926 года “Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане” и решением Государственной комис-

сии при Совете министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 года⁵.

Подписанный в 2008 году президентом Дмитрием Медведевым документ под названием “Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу” подтвердил актуальность указанного определения границ российского арктического региона. Указ Путина 2014 года лишь внёс некоторые уточнения в определение АЗРФ.

Там же обещанные федеральные инвестиции в развитие АЗРФ в размере двух триллионов рублей приравнены к 45 миллионам долларов (должно быть, миллиардов?).

В главе, посвящённой роли Союза арктических городов, утверждается, что Мурманск и Норильск в период подготовки президентского указа 2014 года активно добивались включения в границы АЗРФ (с. 31, 37-38). Напрашивается вопрос: зачем нужно было “активно добиваться”, если Норильск, расположенный на 69°20′00″ северной широты, является самым северным в мире городом с постоянным населением более 150 тыс. жителей? Мурманск (68°58′00″ северной широты) также расположен в Заполярье. Кто, как не они, были первыми кандидатами на включение в АЗРФ, и кто бы мог оспаривать их арктический статус? В то же время автор данной главы прав, когда пишет, что Мурманску пришлось побороться за включение в АЗРФ всей Мурманской области, а не только самого города⁶.

Этого не удалось добиться другим областными и республиканскими центрами. Так, лишь отдельные части Архангельской области и Якутии попали в АЗРФ, а Карелия вообще “выпала” из неё целиком.

Однако, несмотря на отдельные спорные моменты, книга об Арктике под редакцией Марлен Ларюэль — это солидный и своевременный вклад в развитие современного

арктиковедения. Хотя книга главным образом посвящена конкретному — урбанистическому — аспекту арктической проблематики, она вместе с тем заставляет задуматься о более фундаментальных проблемах. Зачем вообще Арктика нужна России? Какие стратегические цели наша страна ставит перед собой в этом регионе? Только лишь превратить его в “стратегическую сырьевую базу” России, как говорится в упомянутом документе 2008 года? Или всё же во главу угла государственной политики нужно поставить заботу о людях и природе этого уникального региона с суровыми условиями жизни и хрупкой экологией? Возникают и другие вопросы: как обстоят дела с освоением регионов Крайнего Севера у других арктических стран? Есть ли у нас в этом плане что-то общее с нашими северными соседями? И если так — то какие горизонты международного сотрудничества открываются для всех нас в Арктике?

Александр Сергунин

5 Советское определение АЗРФ было принято российскими властями без изменений — сначала де-факто, а потом и де-юре — с принятием арктических стратегий 2008 и 2013 годов.

6 Большая часть Мурманской области расположена южнее Полярного круга, и эти районы могли быть не включены в состав АЗРФ — как это случилось с отдельными районами Архангельской области, Республики Коми, Красноярского края и Якутии.